

были гдѣ-нибудь кочевать по Найджинь-голу. Съ посланными уѣхали и двое карчинскихъ ламъ, которымъ, вѣроятно, сильно надоѣло тащиться съ нами. На прощаньи, старшій лама принесъ мнѣ въ подарокъ огромный стручкообразный плодъ индѣйскаго дерева *Calosanthès indica*. Плодъ этотъ, называемый тибетцами *медокъ-самбага*, почитается священнымъ. Далай-лама иногда присылаетъ его въ подарокъ болѣе знатнымъ пилигримамъ.

Вслѣдъ за посланными впередъ казаками поплелись и мы внизъ по Найджинь-голу. Идти здѣсь съ караваномъ было затруднительно, такъ какъ приходилось неоднократно круто подниматься и спускаться, чтобы обходить отвѣсные берега, упирающіеся въ самую рѣку. Эта послѣдняя по срединѣ текла незамерзшею, слѣдовательно невозможно было пользоваться льдомъ для обхода обрывовъ. Но тотъ же самый ледъ мѣстами образовывалъ большія накипи, черезъ которыя необходимо было посыпать глиною дорожку нашимъ верблюдамъ. Такъ прошли мы въ первый день 16 верстъ, а на слѣдующій 10 и, наконецъ, встрѣтили стойбище изъ пяти юртъ тайджинерскихъ монголовъ. О нихъ сообщили намъ еще наканунѣ возвратившіеся казаки, которые привезли съ собою немного дзамбы и молока.

Мѣсто, гдѣ жили монголы, было отличное—обильное ключами, кормомъ и топливомъ. Здѣсь мы и расположились немного отдохнуть послѣ всѣхъ передрагъ Тибета. Прежде всего купили у своихъ новыхъ знакомцевъ дзамбы, масла, молока, нѣсколько барановъ и домашняго яка, мясо котораго оказалось превосходнымъ. Затѣмъ постриглись, побрились и вымыли свои грязныя фізіономіи и головы; помыться же всѣмъ тѣломъ было невозможно изъ опасенія простуды. Между тѣмъ, отъ спанья на пыльных войлокахъ и постоянной нечистоты вездѣ и во всемъ, тѣло наше покрылось такимъ слоемъ грязи, что ее можно было соскабливать ногтями; подошвы же ногъ, съ которыхъ по цѣлымъ недѣлямъ не снимались валеные сапоги, много походили на верблюжьи пятки.

Назадъ на Тибетъ страшно было даже посмотрѣть: тамъ постоянно стояли теперь тучи и, вѣроятно, бушевала непогода. Здѣсь же, на Найджинь-голѣ, было довольно тепло, хотя изрѣдка моросилъ снѣгъ—остатокъ тибетскихъ бурановъ. Этотъ снѣгъ покрывалъ окрестныя горы бѣлою пеленою; но на долинѣ рѣки быстро растаивалъ. Теперь оказалось возможнымъ снять и лишнее теплое одѣяніе, безъ котораго ходить и ѣздить верхомъ было несравненно удобнѣе, въ особенности при безпрестанныхъ слѣзаніяхъ съ коня для дѣланія засѣчекъ бусолью.